

29 января 1814 года

Category: Goşgular, Kitarsu

написано kitarsu | 26 января, 2025

29 января 1814 года 29 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА

Когда б родиться в свет и жить
Лишь значило: пойти в далекий путь без цели,
Искать безвестного, с надеждой не найти,
И от младенческой спокойной колыбели
    До колыбели гробовой
    Стремясь за тщетною мечтой,
Остановиться вдруг и, взоры обративши,
Спросить с унынием: зачем пускался в путь?
Потом, забвению свой посох посвятивши,
    На лоне тишины заснуть, –
Тогда бы кто считал за праздник день роженья?
    Но жребий мне иной!
    Мой ангел, мой хранитель,
Твой вид приняв, сказал: «Я друг навеки твой!»
В сем слове все сказал небесный утешитель.
В сем слове цель моя, надежда и венец!
    Благодарю за жизнь, творец!

29 января 1814 г.

• К ВОЕЙКОВУ

Послание

Добро пожаловать, певец,
Товарищ-друг, хотя и льстец,
В смиренную обитель брата;
Поставь в мой угол посох свой
И умиленною мольбой
Почти домашнего Пената.
Садись – вот кубок! в честь друзьям!
И сладкому воспоминанью,

И благотворному свиданью,
И нас хранившим небесам!

Ты был под знаменами славы;
Ты видел, друг, следы кровавы
На Русь нахлынувших врагов,
Их казнь и ужас их побега;
Ты, строя свой бивак из снега,
Себя смиренью научал
И, хлеб водою запивая,
«Хвала, умеренность златая!» –
С певцом Тибурским восклицал.
Ты видел Азии пределы;
Ты зрел ордынцев лютых край
И лишь обломки обгорели
Там, где стоял Шери-Сарай,
Батыя древняя обитель;
Задумчивый развалин зритель,
Во днях минувших созерцал
Ты настоящего картину
И в них ужасную судьбину
Батыя новых дней читал.
В Сарепте зрелище иное:
Там братство христиан простое
Бесстрастием ограждено
От вредных сердцу заблуждений,
От милых сердцу наслаждений.
Там вечно то же и одно;
Всему свой час: труду, безделью;
И легкокрылому веселью
Порядок крылья там сковал.
Там, видя счаствие в покое,
Ты все восторги отдавал
За нестрадание святое;
Ты зрел, как в тишине семей,
Хранимы сердцем матерей,
Там девы простотой счастливы,

А юноши трудолюбивы
От бурных спасены страстей
Рукой занятия целебной;
Ты зрел, как, вшедши в божий храм,
Они смиренно к небесам
Возводят взор с мольбой хвалебной
И служат сердцем божеству,
Отринув мрак предрассужденья...
Что уподобим торжеству,
Которым Чудо искупленья
Они в восторге веры чтут?..
Все тихо... полночь... нет движенья...
И в трепете благоговенья
Все братья той минуты ждут,
Когда им звон-благовеститель
Провозгласит: воскрес спаситель!..
И вдруг... во мгле... средь тишины,
Как будто с горней вышины
С трубою ангел-пробудитель,
Нисходит глас... алтарь горит,
И братья пали на колени,
И гимн торжественный гремит,
И се, идут в усопших сени,
О, сердце трогающий вид!
Под тенью тополей, ветвистых
Берез, дубов и шелковиц,
Между тюльпанов, роз душистых
Ряды являются гробниц:
Здесь старцев, там детей могила,
Там юношей, там дев младых –
И Вера подле пепла их
Надежды факел воспалила...
Идут к возлюбленных гробам
С отрадной вестью воскресенья;
И все – отверзтый светлый храм,
Где, мнится, тайна искупленья
Свершается в сей самый час,

Торжественный поющих глас,
И братий на гробах лобзанье
(Принесших им воспоминанье
И жертву умиленных слез),
И тихое гробов молчанье,
И соприсутственных небес
Незримое с землей слиянье –
Все живо, полно божества;
И верных братий торжества
Свидетели, из тайной сени
Исходят дружеские тени,
И их преображеный вид
На сладку песнь: «Воскрес спаситель!..»
Сердцам «воистину» гласит,
И самый гроб их говорит:
Воскреснем! жив наш искупитель! –
И сей оставивши предел,
Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на береге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый.
Ужасною и величавой
Там все блестает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч днёвный не проник,

Где изредка одни олени,
Орла послышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там все является очам
Великолепие творенья!
Но там – среди уединенья
Долин, таящихся в горах, –
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак, и абазинец,
И чечереец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь – соратник быстроногий
Их и сокровища и боги;
Как серны, скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
Или, по топким берегам,
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут.
Скалы́ свободы их приют;
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени;
Там жизнь их – сон; стеснись в кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.
Ты видел Дона берега;
Ты зрел, как он поил шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;

Ты зрел, как тихими водами
Меж виноградными садами
Он, зеленея, протекал
И ясной влагой отражал
Брега, покрытые стадами,
Ряды стеснившихся стругов
И на склонении холмов
Донских богатырей станицы;
Ты часто слушал, как певицы
Родимый прославляют Дон,
Спокойствие станиц счастливых,
Вождей и коней их ретивых;
С смиреньем отдал ты поклон
Жилищу Вихря-атамана
И из заветного стакана
Его здоровье на Цимле
Пил, окруженный стариками,
И витязи под сединами
Соотчичам в чужой земле
«Ура!» кричали за тобою.
Теперь ты случая рукою
В обитель брата приведен,
С ним вспомнишь призраки златые
Невозвратимых тех времен,
Когда мы – гости молодые
У милой Жизни на пиру –
Из полной чаши радость пили
И счастье наше! говорили
В своем пророческом жару...
Мой друг, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвестно
Все то, что нам здесь суждено...
А время мчится без возврата,
И жизнь-изменница за ним;
Один уходим за другим;
Друг, оглянись... еще нет брата,

Час от часу пустее свет;
Пустей дорога перед нами.

Но так и быть!.. здесь твой поэт
С смиренной музою, с друзьями
В смиренном уголке живет
И у моря погоды ждет.
И ты, мой друг, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спешишь волшебных струн игрою
В нем спящий гений пробудить;
И очарованный тобою,
Как за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вот наше солнышко-краса
Владимир-князь с богатырями;
Вот Днепр кипит между скалами;
Вот златоверхий Киев-град;
И бусурманов тьмы, как пруги,
Вокруг зубчатых стен кипят;
Сверкают шлемы и кольчуги;
От кликов, топота коней,
От стука палиц, свиста пращей
Далеко слышен гул дрожащий;
Вот, дивной облечен броней,
Добрыня, богатырь могучий,
И конь его Златокопыт;
Чрез степи и леса дремучи
Не скачет витязь, а летит,
Громя Зилантов, и Полканов,
И ведьм, и чуд, и великанов;
И втайне девица-краса
За дальни степи и леса
Восслед ему летит душою;
Склоняся на руку главою,
На путь из терема глядит
И так в раздумье говорит:

«О ветер, ветер! что ты вьешься?
Ты не от милого несешься,
Ты не принес веселья мне;
Играй с касаткой в вышине,
По поднебесью с облаками,
По синю морю с кораблями –
Стрелу пернатую отвей
От друга – радости моей».
Краса-девица ноет, плачет;
А друг по долам, холмам скачет,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель;
Возглавье щит;nochleg дубрава;
Там бьется с бабою-ягой;
Там из ручья с живой водой,
Под стражей змея шестиглава,
Кувшином черпает златым;
Там машет дубом перед ним
Косматый людоед Дубыня;
Там заслоняет путь Горыня;
И вот внезапно занесен
В жилище чародеев он;
Пред ним чернеет лес ужасный!
Сияет блеск вдали прекрасный;
Чем ближе он – тем дале свет;
То тяжкий филина полет,
То вранов раздается рокот;
То слышится русалки хохот;
То вдруг из-за седого пня
Выходит леший козлоногий;
И вдруг стоят пред ним чертоги,
Как будто слиты из огня –
Дворец волшебный царь-девицы;
Красою белые колпицы,
Двенадцать дев к нему идут
И песнь приветствия поют;
И он... Но что? куда мечтами

Я залетел тебе вослед –
Ты чародей, а не поэт;
Ты всемогущими струнами
Мой падший гений оживил...
И кто, скажи мне, научил
Тебя предречь осмью стихами
В сей книге с белыми листами
Весь сокровенный жребий мой?
Признаться ли?.. Смотрю с тоской,
С волнением непобедимым
На белые сии листы,
И мнится, перстом невидимым
Свои невидимы черты
На них Судьба уж написала.
Что б ни было... сей дар тебе
Отныне дружба завещала;
Она твоя... молись Судьбе,
Чтоб в ней наполнились страницы.
Когда, мой друг, тебе я сам
Ее в веселый час подам
И ты прочтешь в ней небылицы,
За быль рассказанные мной,
То знай, что счастлив жребий мой,
Что под надзором провиденья,
Питаясь жизнью в тишине,
Вблизи всего, что мило мне,
Я на крылах воображенья,
Веселый здесь, в тот мир летал
И что меня не покидал
Мой верный ангел вдохновенья...
Но, друг, быть может... как узнать?..
Она останется пустая,
И некогда рука чужая
Тебе должна ее отдать
В святой залог воспоминанья,
Увы! и в знак, что в жизни сей
Милейшие души моей

Не совершилися желанья.

Прими ее... и пожалей.

29 января 1814 г. Goşgular